

возможность разсматривать въ общедоступной формѣ настоящую жизнь, какъ необходимый элементъ развитія человѣческой сущности, графу Толстому приходится прибѣгнуть къ теоріи идеальности времени. Эта теорія имѣетъ за себя весьма вѣскія основанія; но для людей, которымъ надо не мыслить, а „жить“, основныя положенія *Критики чистаго разума* останутся недоступны, какъ бы ясно мы ихъ ни излагали; поэтому слѣдующія главы книги графа Толстого могутъ быть правильно поняты только тѣми, кто знакомъ хоть отчасти съ философіей Канта или Шопенгауэра.

Воспитанный среди ложныхъ ученій нашего вѣка, которыя укрѣпили его въ мысли, что жизнь есть не что иное, какъ его личное существованіе, человѣкъ воображаетъ, говоритъ гр. Толстой, что онъ жилъ съ минуты своего рожденія и прожилъ непрерывно много лѣтъ и вдругъ приходитъ время, когда ему становится ясно до очевидности, что дальше такъ жить онъ не можетъ, что жизнь его останавливается и разрывается. Ложное ученіе утвердило его въ той мысли, что жизнь его есть періодъ времени, содержащійся между колыбелью и могилой. Разсматривая видимую жизнь животныхъ, онъ смѣшалъ понятіе объ этой жизни со своимъ сознаниемъ и вполнѣ убѣдился, что эта видимая жизнь его есть въ самомъ дѣлѣ его настоящая жизнь; но пробудившееся въ немъ разумное сознание вызываетъ